

Фельетон

Соб. культура. - 1991. - 27 апр. - с. 16.

Плещин и другие...

ВАМ КОГДА-НИБУДЬ доводилось бродить по центральным проспектам столицы под ручку с популярнейшим артистом? Куда уж вам!

Причем он не только бережно поддерживает меня под локоток. Он еще предается размышлениям о моем творчестве. Он ни на секунду не сомневается, что у меня в письменном столе лежат две-три блистательнейших пьесы. А, пожалуй, и роман. Все-таки Булгаков уже пройденный этап, хочется чего-нибудь свежего, нового.

Вы недоверчиво улыбаетесь? А для меня это будни. Симпатичный артист вклевчился в мой рукав и в мое, понимаете ли, творчество по очень простой причине. Он сотворил новую роль. И ему хочется, чтобы кто-нибудь, хотя бы, например, я, об этом написал. Вот отсюда его ошеломление непостижимыми вершинами моего таланта.

Есть творцы и погубошерстнее. Эти впрямую ломаются с бутылками коньяка или даже предлагают познакомиться с хорошенькой ассистенткой режиссера. А бывает и просто под дых: «Старик, я завтра сразу после программы «Время» на ЦТ. Ты же помнишь, как еще в школе твоя мама меня любила».

Жуткое дело! Чувствуешь себя козочкой, на которую пикирует заслуженный бомбардировщик республики.

Могу привести лишь одно исключение из правил.

Я очень любил Ростислава Яновича Плещина. Какое же в нем было шепетильное благородство! Я, признаюсь, перед ним робел. И все никак не решался написать про этого удивительного артиста и необычайного человека.

Наконец рассмелел и объявил Плещину о свалившемся на него счастье:

— Хочу, Ростислав Янович, о вас написать.

Плещин погундел в нос, позвякал чайной ложечкой и пробормотал:

— Дорогой мой, ну что плохого я вам сделал? За что?!

Но все-таки позволил. Он был ласковый, даже беспомощный в своем добросердечии человек.

Остальные шли в штыковую

атаку, сметая меня в написание о них статей.

Впрочем, могу привести пример некоей утонченности.

Как-то меня пригласил в гости весьма интеллектуальный артист, интереснейший собеседник. Однако мы с ним почти весь вечер промолчали — попивали чаек и слушали Вивальди. Этот композитор тогда угодил в большую моду благодаря песне Виктора Берковского и Сергея Никитина.

Вечер потягивался к концу. И уже в прихожей, подавая мне пальто, хозяин как-то трагически воскликнул:

— Я понимаю, почему ты ни разу обо мне не написал. Все, что я делаю, — это тлен и побрякушки. И ты, человек высокой требовательности, как никто другой, видишь, что я еще не дорос. Скажи мне только — ты в меня веришь?.. Спасибо тебе!

Я, завывая, как подстреленный волк на молодую луну, кинулся в последний поезд метро, притопывая ногами от нетерпения, примчался домой и обрушился на письменный стол... Это он, замечательный артист, не дорос?! До моих каракулей на писчей бумаге?.. И всю ночь неистово писал.

Вдохновить надо уметь!

А возможно, я растрогался на раритетное словцо «спасибо». Оно ведь нынче в большом дефиците.

Но это уже другая, почти водеvilльная история.

В редакции мне предложили написать о прелестнейшей актрисе, восхитительной до головокружения женщине.

— Да с наслаждением! — искренне и даже поспешно воскликнул я.

Не прошло и получаса, как очаровательница позвонила. Ничто не распространяется по городу с такой скоростью, как редакционные секреты. Оказывается, она всего лишь хочет высказать изумление: такой журналист и снизошел до нее! А она, как на зло, ужасно выглядит. Что, впрочем, по

телефону не так чтобы и бросилось в глаза.

Вечерком она позвонила мне уже домой. К вечеру у нее накопились мысли о том, как о ней надо бы писать.

Видимо, в последующие три дня спектакли с ее участием отменили. Поскольку она днем и ночью висела на телефоне и звонила мне.

Я вежливо отключил телефон, что и дало мне возможность о ней написать. Вскоре статья была опубликована.

Теперь я включил телефон обратно и стал перед ним прохаживаться как бы незаинтересованно. Трубочку поглаживал — хорошо ли лежит? Сходил к соседям, позвонил на телефонную станцию — работает ли у меня аппарат? Оказалось, работает.

Три дня никуда не выходил из дома. Ждал.

В троллейбусе билетик передашь, и то иной раз спасибо скажут.

Месяца через полтора заглянул в подвал к Олегу Табакову на премьеру.

Гляжу, в фойе — телефонный прототип героини моей статьи. Надо отдать должное,

прелестница густо покраснела. Кинулась ко мне и темпераментно вывалила на меня ворох всевозможных сложностей, которые на нее обрушились. Из них наиболее правдоподобным было: «Я вам сразу позвонила, но вас не было дома!»

Чтобы ей помочь, я сказал: — Да, я как раз тогда уезжал на первенство мира по бильбоке в Новую Каледонию.

— Ну вот видите! — укоризненно обрадовалась она.

Актеры аж до самой старости остаются детьми. Но, думаю, и актерам нравятся воспитанные дети.

А бывает и чудовищновато.

Сейчас уж трудно вспомнить, почему я предложил сделать интервью с более менее популярным конференсье. В редакции вполне резонно отнеслись к этому предложению прохладно: «Ну, если хочешь, делай». Интуиция мне ничего не подсказала.

Я позвонил и тут же обнаружил себя в облаке восторгов. Более того, конференсье даже выкрикивал названия особенно дорогих ему моих фельетонов. Тут уж я совсем затуманился. «Ах, зачем же отклады-

вать? — воскликнул я. — Давайте немедленно и встретимся!» Ну, как не поспешить к человеку, у которого такой прекрасныи вкус!

Встретились. Говорили часа два.

На следующий день я привез готовый материал — странички три. Конференсье долго и вслух читал эти три странички. Какие-то особенно наслаждительные места перечитывал, восхищенно глядя на меня. И даже подвез на машине до ближайшей станции метро.

Прошел месяц. Наше совместное с конференсье произведение все никак не могло попасть на страницы газеты. Как вы понимаете, это был отнюдь не тот «воздь», который распахивает все остальные материалы.

Итак, прошел месяц.

И на имя главного редактора пришло письмо:

«Более месяца тому назад в мою жизнь и одновременно в мою квартиру энергично вошел ваш корр. Э. Графов. Вдохновенно, с горящими глазами он предложил сделать со мной интервью.

Понимаю, что не всякий материал непременно должен быть опубликован в газете. Но ведь я работал и самостоятельно, и с вашим корр. в течение двух дней, мною было потрачено время. И хотя у меня нет особых заслуг и званий, я претендую на элементарное к себе уважение. В данной ситуации я совершенно беззащитен.

Был бы крайне вам признателен, если бы вы отнесли к этой записке, как к письму трудящегося, и ответили на него так, как этому учит Центральный Комитет нашей партии, газетой которого является ваше издание».

Главный редактор показал мне это письмо трудящегося и ласково спросил:

— Чего это ты врываешься к человеку в квартиру с горящими глазами?

— Так ведь вдохновенно, — объяснил я.

— Где эта твоя мерзкая меточка?

— В гранках. В ближайшие дни, наверное, пройдет.

— Пройдет!! Немедленно в разбор!

— Не надо! — взмолился я. — Если он уже через месяц ссылается на ЦК партии, то уж и не представляю, куда он напишет, если совсем не напечатает.

И заметку опубликовали. Чего делать было, конечно, не надо. Мой грех.

Для чего я все это пишу? Чтобы насладиться запоздалой «мстостью»? Кто-то, видите ли, мне спасибо не сказал, а кто-то вот пасквиль настроил. Обижается, дескать, трепетный наш. Неужто вы обо мне так неважно думаете? Я вам предлагаю личный опыт, поскольку хорошо он мне ведом. И делаю это вот ради чего.

Ну, ко мне, человеку далекому и постороннему, «творцы» удосуживаются так относиться. Но ведь они и друг к другу немилостивы. Такой вот стиль! Боже, чего только мне не приходилось от них выслушивать именно «друг о друге».

Конечно, актеру хочется рецензии, тиражированной на весь белый свет. Но, поверьте, ему гораздо дороже уважительное, а хорошо бы и восхищенное признание коллеги по ремеслу. А вместо этого завистливые взгляды, шушуканье за спиной и никакого тебе хотя бы: «Спасибо, старина, ты сегодня молодцом!»

Хотите, я расскажу лелеемый в среде актеров анекдот?

Молодой актрисе снится сон. Будто они с подружкой по театру померли. Подружка попала почему-то в рай, а вздремнувшая почему-то в ад. Обидно, конечно. Пострадавшая возмутилась: «Господь, что за несправедливость? Мы с Каткой сверстницы, подружки, обе актрисы...» Господь улыбнулся: «Да брось ты! Ну, сама послуди — ну, какая она актриса!»

Рассказывая этот анекдот, деятели сцены обычно лукаво щурятся и как бы сокрушенно хохочут: «Ну и гады же мы!»

Сестры и братья во искусстве, возлюбите друг друга! Ну, хотя бы спасибо-то скажите. Ну, что вам стоит?

Эдуард ГРАФОВ.

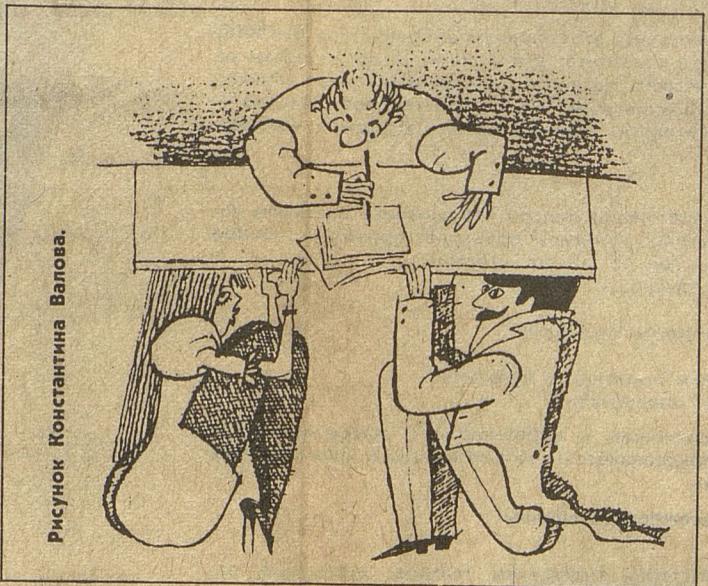

Рисунок Константина Валова.